

- Медведев Д. (2015). Новая реальность: Россия и глобальные вызовы // Вопросы экономики. № 10. С. 5–29. [Medvedev D. (2015). New reality: Russia and global challenges. *Voprosy Ekonomiki*, No. 10, pp. 5–29. (In Russian).]
- Медведев Д. (2016). Социально-экономическое развитие России: обретение новой динамики // Вопросы экономики. № 10. С. 5–23. [Medvedev D. (2016). Social and economic development of Russia: Finding new dynamics. *Voprosy Ekonomiki*, No. 10, pp. 5–23. (In Russian).]
- ЮНЕСКО (2015). Доклад ЮНЕСКО по науке: на пути к 2030 году. М.: Издат. дом Магистр-Пресс. [UNESCO (2015). *UNESCO science report: Towards 2030*. Paris: UNESCO Publishing.]
- Aghion P., Bergeaud A., Boppart T., Klenow P., Li H. (2017). Missing growth from creative destruction. *NBER Working Paper*, No. 24023.
- Alvaredo F. et al. (eds.) (2018). *World inequality report 2018*. Cambridge, MA: Belknap Press of Harvard University Press.
- Brynjolfsson E., McAfee A. (2011). *Race against the machine: How the digital revolution is accelerating innovation, driving productivity, and irreversibly transforming employment and the economy*. Lexington, MA: Digital Frontier Press.
- El-Erian M. A. (2016). Sustaining the Trump rally. *Project Syndicate*, November 28. <https://www.project-syndicate.org/commentary/trump-market-rally-economic-growth-by-mohamed-a-el-erian-2016-11>
- Johnson S. (2016). The politics of job polarization. *Project Syndicate*, November 27. <https://www.project-syndicate.org/commentary/trump-politics-job-polarization-by-simon-johnson-2016-11>
- Kuznets S. (1966). *Modern economic growth: Rate, structure, and spread*. New Haven; London: Yale University Press.
- Masood E. (2016). *The Great Invention: The story of GDP and the making and unmaking of the modern world*. New York: Pegasus Books.
- OECD (2016). *Economic policy reforms. Going for growth*. Interim Report. Paris.
- Schwab K. (ed.) (2017). *The global competitiveness report 2017–2018*. Geneva: World Economic Forum.
- Teulings C., Baldwin R. (eds.) (2014). *Secular stagnation: Facts, causes and cures*. (A VoxEU.org eBook). London: CEPR Press.
-

Russia-2024: The strategy of social and economic development

Dmitry A. Medvedev

Author affiliation: Government of the Russian Federation (Moscow, Russia).
Email: mail@vopreco.ru

The paper deals with the challenges and tasks of Russian social and economic policy for 2018–2024. Based on the analysis of global and national trends and conditions for years to come the author discusses the trajectory of economic, social, and technological break-through. Sustainable growth of well-being and competitiveness of individuals and the society as a whole and the state are the key elements of the Strategy of social and economic development of Russia.

Keywords: economic policy, global trends, economic, social, and technological break-through, well-being, Russia.

JEL: E02, E60, E61, O10, O40.

МИРОВОЕ НЕРАВЕНСТВО В ДОХОДАХ

Л. М. Григорьев, В. А. Павлюшина

Социальное неравенство в мире: тенденции 2000—2016 гг.

История изучения связи экономического роста и социального неравенства восходит к работам С. Кузнеца, А. Аткинсона, П. Кругмана, Дж. Стиглица, Т. Пикетти и Б. Милановича. В данной работе статистический анализ социального неравенства по большой совокупности стран, разбитых на семь кластеров, проведен за период 2000—2016 гг. Как мера неравенства использована доля доходов 10-го дециля. Обнаружена высокая устойчивость уровня неравенства во времени в большинстве групп стран, особенно в наиболее развитых, в частности в англосаксонских. Распределение ключевых социально-экономических и даже политических показателей по кластерам показывает их сильную связь со структурой неравенства в странах. Это позволяет значительно углубить анализ стадий мирового развития.

Ключевые слова: неравенство, экономический рост, кластеры, распределение доходов.

JEL: A14, B10, D11, D33, F02.

Теории и подходы к социальному неравенству

Анализу социального неравенства посвящен большой массив теоретических и статистических исследований. Эта проблематика остается актуальной для большинства стран — как развитых, так и развивающихся. Вопрос о влиянии социального неравенства на многие аспекты экономической деятельности и жизни общества практически никогда не уходил из поля зрения академических ученых. Тот факт, что эту проблему исторически впервые поставили в марксизме, по-видимому, долго служил препятствием для исследований, поскольку их результаты часто использовались в политическом дискурсе. Можно выделить несколько простых вопросов применительно к сфере социального не-

Григорьев Леонид Маркович (lgrigor1@yandex.ru), к. э. н., ординарный профессор, научный руководитель Департамента мировой экономики Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ), главный советник руководителя Аналитического центра при Правительстве РФ (Москва); *Павлюшина Виктория Александровна* (pa_victoria@mail.ru), стажер-исследователь Банковского института НИУ ВШЭ, замначальника управления научно-исследовательских работ Аналитического центра при Правительстве РФ (Москва).

равенства: его измерение и значимость; происхождение; длительные тенденции и текущая динамика; на что оно воздействует; как на него влияют экономический рост и социальная политика; наконец, можно ли его снизить и нужно ли к этому стремиться? Мы затронем лишь некоторые из них: измерение, тенденции за четверть века, связь с другими социально-экономическими показателями.

В нашей предыдущей статье, посвященной динамике неравенства между странами, мы с помощью кластерного анализа показали, что быстрый рост и сближение стран (в относительном измерении) по уровню развития за период 1992–2016 гг. в ряде случаев имеют место (за счет Китая, Ю. Кореи и др.), а в ряде стран сокращается абсолютная бедность. Но одновременно выяснилось, что по линейным измерениям (в нескольких мерах) кластеры, в которые включены 174 страны, практически не сближаются. Дистанция между средними и средне-взвешенными уровнями ВВП на душу населения по ППС растет, в том числе между развитыми странами (Григорьев, Павлюшина, 2018).

С XVIII в. ученые-экономисты изучали вопросы накопления богатства и роста доходов, распределения накопленного капитала и возникновения неравенства. Если классики уделяли больше внимания эмпирическим оценкам происходящего и рассматривали проблемы с точки зрения различных идеологий, то новейшие исследования построены на анализе большого массива данных с использованием сложных моделей. Но на протяжении всей истории исследований неравенства экономисты и социологи фокусируются на трех основных вопросах: действительно ли неравенство высокое, сокращается ли оно во времени и приводит ли к торможению экономического роста? Последний вопрос приобрел особую актуальность после «Великой рецессии» 2008–2009 гг., и ответ на него не так однозначен, как кажется на первый взгляд. Некоторые модели показывают, что умеренное неравенство в развитом государстве часто может положительно повлиять на экономический рост (Li, Zou, 1998). Значительное перераспределение доходов (в рамках социальной политики) позволяет стабилизировать динамику потребления, при высокой степени социальной защиты низшие слои населения получают социальные перечисления. Поскольку наиболее бедные большую часть своих доходов тратят на потребление, а не на сбережения, это в краткосрочном периоде повышает спрос и способствует экономическому росту.

Серьезный интерес к теме социального неравенства возник со времен Промышленной революции, формирования классической политэкономии и публикации «Манифеста Коммунистической партии», в котором К. Маркс показал, что он понимал значение среднего класса, но предполагал исчезновение «старого» (что было правдой) и не предвидел появления нового, гораздо более многочисленного (Маркс, Энгельс, 1955 [1848]). Два великих экономиста XIX в. — Давид Рикардо и Карл Маркс — изучали принципы распределения богатства и пришли к выводу, что со временем оно будет концентрироваться в руках представителей одного класса — землевладельцев у Рикардо и капиталистов у Маркса.

В XX в. экономисты продолжали исследовать распределение доходов и богатства. Классическая постановка вопроса о связи экономического роста и неравенства в развитии содержится в работе С. Кузнеця

«Экономический рост и неравенство по доходам», в которой рассматриваются изменения в распределении доходов в долгосрочной перспективе (Kuznets, 1955). Кузнец разделяет страны на две группы (developed, underdeveloped) и выдвигает гипотезу о том, что в странах, стоящих на ранних ступенях экономического развития, неравенство доходов сначала имеет тенденцию к росту, но по мере развития экономики снижается (идея заложена в главном выводе работы — построении «кривой Кузнец»), что проиллюстрировано данными таблицы 1. Среди причин более высокого неравенства в развивающихся странах Кузнец называет такую: в связи с низким средним уровнем дохода в стране существенные сбережения возможны только у населения с более высоким уровнем дохода, что вызывает еще большее расслоение; также неравенство по доходам выступает результатом низкого темпа прироста ВВП страны (следовательно, и подушевого дохода).

Т а б л и ц а 1

Доли квинтилей в доходах населения в Индии, Шри Ланке, США и Великобритании, 1950 и 2016 гг.^а (в %)

Страна	1950 ^б			2016 ^а		
	квинтиль			квинтиль		
	1 + 2 + 3	4	5	1 + 2 + 3	4	5
Индия	28	17	55	35,5	20,6	44,0
Шри Ланка	30	20	50	32,4	20,5	47,0
США	34	22	44	30,8	22,7	46,4
Великобритания	36	19	45	36,5	23,0	40,6

^а Или за последний доступный год. ^б Мы допускаем, что в начале 1950-х годов по характеру сбора и обработки данные могли несколько отличаться от современных. ^в Из-за округления сумма долей квинтилей для 2016 г. может быть несколько ниже или выше 100%.

Источники: Kuznets, 1955; данные Всемирного банка.

Данные таблицы 1 показывают, что, например, доля 5-го (наиболее богатого¹) квинтиля в доходах населения в США за 1950–2016 гг. выросла с 44 до 46,4%. Для Индии и Шри Ланки стартовый уровень социального неравенства у Кузнецца отражает ситуацию в странах на момент их освобождения от колониальной зависимости (а не в «развивающихся странах»), в дальнейшем оно снизилось с 55% до 44 и с 50 до 47% соответственно.

За 40 лет, предшествовавших публикации работы Кузнецца, мир перенес две мировые войны, Великую депрессию, ряд революций (в том числе Октябрьскую революцию в России). Поэтому Кузнец не мог наблюдать длительных периодов роста, кроме послевоенных 1947–1955 гг., но с двумя кризисами в США.

Для прикладного анализа Кузнецца характерна ограниченность доступной статистики и фактологии, на которую он опирался при обсуждении вопроса о неравенстве. Его гипотеза во многом базировалась на динамике неравенства в США в 1913–1948 гг., и длительных

¹ У Кузнецца 5-й квинтиль — самый бедный, а 1-й — самый богатый, однако в современной науке принято обратное. Для удобства в этой статье данные Кузнецца упорядочены в соответствии с современными традициями.

периодов роста в нормальных условиях он не наблюдал. Его оптимизм в отношении сокращения социального неравенства в результате экономического роста парадоксальным образом отражал специфику периода войн и кризисов. Разумеется, теперь мы намного больше знаем о мировых социальных процессах, что было отмечено в: Atkinson, Piketty, 2007. Во многом именно в этом заключается причина критики выводов работы Кузнецца (см., например: Меркулова, 2010).

Кузнецц видел высочайшее неравенство в англосаксонских странах, но учитывал возможности экономических инструментов, которые могли бы способствовать большему социальному равенству. Уровень пост-колониального неравенства в Индии и Шри Ланке в начале 1950-х годов был исключительно высоким и несколько напоминает ситуацию в современной ЮАР. Отметим, что в США и Великобритании за 65 лет сохранилось большое преимущество 4–5-го квинтилей, но в двух упомянутых развивающихся странах заметно снизилась доля 5-го квинтиля, а доля 4-го несколько выросла.

Один из наиболее известных исследователей проблем неравенства — Э. Аткинсон — на протяжении более 40 лет показывал в своих работах, что основная проблема современности состоит не в том, что богатые становятся все богаче, а в том, что при этом не решается проблема бедности (Atkinson, 1975). Общий экономический рост не приводит к значительному улучшению положения низших слоев населения, а быстрые изменения в экономике оставляют все больше людей за границей высокого благосостояния. Экономист подчеркивает, что проблеме можно решить не путем повышения налогов на богатых (в том числе налогов на роскошь), а за счет комплексного решения структурных проблем — с точки зрения технологий, социальной стабильности, распределения капитала и налогообложения. Аткинсон выступает за принятие активных мер по борьбе с неравенством и отрицает распространенный тезис о том, что глобализация сама решит все проблемы, а необходимые меры чрезвычайно дороги. В книге «Неравенство» (Atkinson, 2015) он предлагает правительствам направить все усилия на гарантирование занятости и жесткий контроль за заработной платой, так как неравенство по доходам — это в первую очередь неравенство возможностей.

Проблему неравенства затрагивают в своих работах нобелевские лауреаты П. Кругман и Дж. Стиглиц. Кругман (Krugman, 2008) не отрицает рост неравенства, но подчеркивает, что нет оснований говорить о несправедливости в распределении доходов и капитала. Он отмечает, что неравенство не только стало причиной беспорядка в экономике различных стран, но и играло и продолжает играть ключевую роль в том, что мы не можем от него [беспорядка] избавиться (Krugman, 2013). Кругман акцентирует внимание на усилении неравенства в годы после «Великой рецессии», что приводит к увеличению долгов домохозяйств и тормозит экономический рост.

Стиглиц пишет, что неравенство обычно ассоциируется с учащением циклов «подъем—спад», что делает экономику более уязвимой и нестабильной. Конечно, разрыв в доходах самых бедных и самых богатых не был прямой причиной кризиса 1920-х годов, но и простой

случайностью тот факт, что последний раз таким значительным неравенство было перед Великой депрессией, тоже не назовешь (Stiglitz, 2013). Нобелевский лауреат замечает, что неравенство достигло стадии, на которой оно перестало быть эффективным и превратилось в серьезную помеху развитию (Stiglitz, 2012).

Б. Миланович предлагает иной способ анализа неравенства — «не по классам, а по местонахождению» (Миланович, 2016). При этом автор ставит вопрос о том, что гражданство можно считать рентой или наказанием, если подходить к проблеме неравенства с точки зрения не национальной, а глобальной перспективы. К. Лакнер и Миланович показали на графике, известном как «Слон Милановича», что в 1988—2008 гг. в развивающихся странах сформировался более устойчивый средний класс за счет роста доходов населения в середине распределения, а в развитых из-за резкого роста доходов высших слоев произошел их отрыв от середины (Lakner, Milanovic, 2013). Заметим, что значительная часть «туловища слона», если использовать лупу, во многом состоит из китайского нового среднего класса.

Говоря о неравенстве, нельзя не отметить книгу Т. Пикетти «Капитал в XXI веке», которая с момента выхода широко обсуждается академическим сообществом и даже рассматривается как труд, который разделил все исследования в области неравенства на «до» и «после» ее выхода в свет. Исследование в некотором роде основано на трудах Рикардо и Маркса. Автор проделал колоссальную статистическую работу по анализу большого массива данных и пришел к выводу, что если на протяжении длительного периода норма отдачи на капитал значительно превышает темпы экономического роста (вероятность чего повышается, хотя и не обязательно, в периоды низких темпов роста), то сильно увеличивается риск отклонений в распределении богатства (Piketty, 2014). Это фактически означает, что отдача от капитала (по Пикетти, капитал и есть богатство) в долгосрочном периоде превышает рост ВВП, и соответственно постоянно растущее неравенство по богатству приведет к усилению экономической нестабильности. Когда отдача от капитала превышает рост доходов и выпуска, темпы увеличения неравенства растут. В этом случае капитализм, как считает автор, должно контролировать государство, например изменяя налогообложение, устанавливая системы дотаций, вводя гарантированную занятость и регулируя уровень заработной платы.

Критические отзывы на книгу Пикетти в основном связаны с недостаточным пониманием источников статистики и расчетов или поиском не учтенных автором процессов. Например, экономический редактор газеты «The Financial Times» К. Джайла сравнил более поздние данные, основанные на опросах домохозяйств, с более ранними, основанными на налоговых оценках, и сделал вывод о сокращении неравенства в силу того, что более поздние данные оказались меньше значений за предыдущие периоды. Однако этот вывод, видимо, некорректен, поскольку при использовании двух разных источников данных о неравенстве (налоговые декларации и данные опросов домохозяйств) необходимо вводить поправки, так как данные о различиях в уровне доходов, полученные из налоговых деклараций, выше взятых

из опросов домохозяйств². Это связано с тем, что более бедные слои населения платят мало налогов или вообще их не платят. Кроме того, опрос о доходах среди сверхбогатой части населения не проводится.

Многие критики работы Пикетти указывают на то, что в своих расчетах он не учел амортизацию основных фондов, которая снижает капитал компании. Это неверно, так как поправка на амортизацию в его расчетах присутствует. М. Рогтли опубликовал работу, в которой сделал эконометрический анализ на основе данных, использованных в книге Пикетти, и пришел к выводу, что автор все-таки не в полной мере учел амортизацию основных фондов (Rognlie, 2015). Это не меняет выводов работы, но вносит некоторые коррективы: в частности, при более точном расчете амортизации получается, что темп роста отдачи от капитала (и соответственно неравенства) снижается; рост капитала в большей степени объясняется ростом цен на недвижимость ввиду ограниченности земли и жилых площадей (Rognlie, 2015). Как бы то ни было, выход «Капитала в XXI веке» возобновил дискуссию о социальном неравенстве в новом формате и в некотором смысле установил «новую нормальность» в изучении различий в уровнях доходов населения.

К. Померанц (Pomeranz, 2009) и Г. Кут (Koot, 2013) обосновали экономический «раздел» Азии и Европы в Средние века, который привел к отставанию в экономическом развитии и современному неравенству в Азии. Большой вклад в исследование неравенства внесли работы: Barro, 2000; Kaldor, 1955–1956; Aghion et al., 1999.

Отметим, что тема социального неравенства вызвала широкую дискуссию и среди российских экономистов. В их числе можно назвать К. Джомо и В. Попова (2016), В. Мау (2012), В. Клинова (2017), В. Радаева и О. Шкаратана (1996), Л. Григорьева (2016), Л. Григорьева и Е. Паршину (2013) и др. Так, Р. Капелюшников пишет, «что с нормативной точки зрения неравенство — это псевдопроблема (оно никогда не выступает проблемой само по себе). Конечно, оно может быть симптомом каких-то иных серьезных проблем, но это уже совсем другая история. Именно потому, что болезни не лечатся устранением симптомов, сокращение дифференциации доходов не может быть самоцелью: усилия общества должны быть сосредоточены на решении глубинных проблем, которые могут за ней стоять и ее породить» (Капелюшников, 2017. С. 135).

Согласно нашему анализу, неравенство по доходам в мире не снижалось в период активного экономического роста (1990–2011 гг.), глобальный экономический рост не изменил ключевого параметра — долю 10-го дециля населения в доходах в развитых и некоторых развивающихся странах (Григорьев, Салмина, 2013). Исследования показали, что внутреннее социальное неравенство не исчезает само собой при экономическом росте и требует особого внимания. Характер социального неравенства в мире определяется историческими факторами, которые ряду стран удалось преодолеть с помощью интенсивного развития (Китай и Ю. Корея) на базе институтов, адекватных сложившейся структуре экономики. В мире стал сокращаться размер абсолютной

² http://www.ng.ru/krugman/2014-06-11/5_piketti.html

бедности по очень жестким критериям, но ее масштабы все еще велики, а относительная бедность в ряде случаев создает резкие социальные контрасты. В условиях рецессии рост бедности — тревожный признак, и без ее уменьшения проблему неравенства решить не удастся. Высокое социальное неравенство ограничивает развитие потребительского рынка и сдерживает внутренний спрос. Необходимость сократить неравенство нужно учитывать в стратегиях развития страны.

Ригидность социального неравенства в 2000—2016 гг.: стилизованные факты

В рамках теоретической дискуссии о масштабах и динамике социального неравенства возникает сложная картина мира, которую логично принять как стилизованные факты. Ученые анализируют мировую историю в различные периоды, на примере разных групп стран. Для оценки социального неравенства они используют разные показатели, главные среди них: коэффициент Джини; доля доходов определенной части населения; коэффициент фондов; индекс Аткинсона³; доля доходов и богатства 1% самых состоятельных людей страны или мира.

Наиболее распространенный и часто используемый, в том числе в неэкономических исследованиях, показатель — коэффициент Джини, однако у него есть ряд серьезных недостатков: прежде всего он не только плохо отражает неравенство на концах распределения, но и остается неизменным, если приросты доли доходов нижних слоев и наиболее обеспеченной части населения равны (Alvaredo et al., 2018). В нашей работе расчеты в большей степени основаны на распределении доходов между различными квинтилями и децилями⁴.

Гипотеза, которую мы рассматриваем в этом разделе, простая: если в период заметного роста мировой экономики в 2000—2016 гг. действовали закономерности и факторы, ведущие к снижению социального неравенства в мире в целом или в больших группах стран (по тому или иному признаку), то они должны были проявиться в сокращении доли 10-го дециля населения в доходах. Пересчет доходов в единую меру (в международные доллары по ППС) позволит сравнивать уровень дохода — ВВП на душу населения по ППС — в различных странах и по кластерам. Здесь важно, что «центровки кластеров» по уровню ВВП на душу населения по ППС (средние по странам или средневзвешенные) отстоят друг от друга на величину, которая в данном случае равна 1,7–2 раза. Преодолеть двукратный разрыв (пример Китая) за 10 лет можно, только если преимущество в темпах прироста составляет 7,2 п. п. Фактические темпы сближения будут определяться темпами экономического роста и увеличения населения. Но главные параметры — длительность и устойчивость высоких темпов роста.

³ Показывает эквивалентный уровень дохода, который соответствует уровню дохода при его равномерном распределении, при котором общество обладало бы таким же уровнем благосостояния, как и при исследуемом неравномерном распределении.

⁴ Дециль (10-процентная группа) получается при делении населения на десять, а квинтиль (20-процентная группа) — на пять равных частей.

Мы предлагаем рабочую гипотезу: при формировании институтов в стране (Асемоглу и др., 2006) закладывается тип неравенства, включая налоги и социальные системы, вертикальные лифты, толерантность к бедности, установку на успех или устойчивость в течение жизненного цикла. Мы видим меньшее неравенство в европейских странах, что стало результатом распространения христианства и влияния социалистического эксперимента и борьбы с ним (налоги и социальная защита населения) в Европе в XX в. (Barbarà, 2012; Hoffman et al., 2002). Фактически, раз сформировавшись, социальное неравенство удивительно устойчиво к экономическому росту, даже высокому.

Всего за период 2000–2016 гг. были доступны данные для сравнения по 92 странам из 174 (Приложение 2). Это позволяет провести более детальный анализ динамики социального неравенства за два восьмилетних периода: 2000–2008 и 2009–2016 гг. Для наглядности мы разделили 92 страны на четыре группы:

- в которых ВВП на душу населения по ППС в 2016 г. был меньше 10 тыс. межд. долл./человека. В этой группе 36 стран, входящих в пятый–седьмой кластеры;

- развивающиеся, в которых ВВП на душу населения по ППС в 2016 г. был в диапазоне от 10 тыс. до 25 тыс. межд. долл./человека. В этой группе 28 стран, входящих в третий–четвертый кластеры;

- в которых ВВП на душу населения по ППС в 2016 г. был больше 25 тыс. межд. долл./человека. В этой группе 24 страны, входящие в первый–второй кластеры. В основном это более развитые страны континентальной Европы;

- четыре англосаксонские страны из первого кластера — Великобритания, Австралия, Канада, США — выделены отдельно.

Рассмотрим динамику долей децилей и квинтилей по двум периодам. В четырех англосаксонских странах (в среднем) колебание долей дохода незначительно, и им, видимо, можно пренебречь. Соответственно существенный экономический рост был абсорбирован пропорционально этим долям и к 2016 г. дал феноменальный результат: вмененный ВВП на душу населения по ППС (см.: Григорьев, Салмина, 2013) 10-го дециля достиг 121,6 тыс. межд. долл./человека, что в 9 раз превышает аналогичный показатель 10-го дециля в странах с доходом менее 10 тыс. межд. долл./человека. Это произошло за счет не только роста отдачи от капитала, но и резкого увеличения заработной платы (Atkinson, Piketty, 2007). Пределы мирового неравенства по децильной мере впечатляют: разрыв между верхним децилем англосаксов и 1-м децилем беднейших стран составляет 101 раз (174 раза в 2000 и 119 раз в 2008 г.). На наш взгляд, это более аккуратная мера мирового социального неравенства, чем, например, концентрация доходов в руках 1% богатейших людей.

В развитых странах с доходом более 25 тыс. межд. долл./человека за 16 лет доля доходов 10-го дециля сократилась на 0,7 п. п., а 5-го квинтиля — на 0,5 п. п. при небольшом увеличении доли доходов 2–4-го квинтилей. При сравнении с англосаксонской группой неравенство быстро нарастает: начиная с 3-го квинтиля англосаксонские состоятельные группы обгоняют остальные развитые страны как по доле в доходах, так и особенно по размеру вмененного дохода. В линейном

плане разрыв между 10-м децилем англосаксов и 10-м децилем богатых стран (более 25 тыс. межд. долл./человека) в 2000, 2008 и 2016 гг. составил соответственно 22,5, 22,6 и 25,5 тыс. межд. долл./человека; с 10-м децилем стран с доходом от 10 тыс. до 25 тыс. межд. долл./человека — соответственно 70,0, 72,1 и 71,8 тыс. межд. долл./человека.

В среднеразвитых (10–25 тыс. межд. долл./человека) и менее развитых странах (меньше 10 тыс.) картина более сложная⁵: в обеих группах доля 5-го квинтиля за 16 лет сократилась примерно на 2,5 п. п. Эти доли перераспределились небольшими «порциями» в доходы 1–4-го квинтилей, что внушает некоторый оптимизм (табл. 2). Конечно, данные по кластерам среднеарифметические и во многом позволяют оценить тренды, а не детали. Однако снижение долей 5-го квинтиля относительно доли 1-го за 2000–2016 гг. особенно заметно в Казахстане, Эквадоре, Аргентине и Белоруссии.

Отметим, что доля 5-го квинтиля в развитых странах меньше, чем в развивающихся, так что определенные основания для надежд Кузнецца на снижение неравенства имеются. Но при этом важно, как при кластерном анализе странового роста в нашей предыдущей статье (Григорьев, Павлюшина, 2018), подчеркнуть различие между относительными и линейными сдвигами. Некоторое сокращение относительного неравенства (долей 10-го дециля и 5-го квинтиля) по мере экономического роста сопровождается увеличением дистанции между размерами дохода (вмененного ВВП на душу населения по ППС) самых богатых и «других богатых», средних и небогатых слоев общества в мире. Расстояние между 10-м и 1-м децилями за 2000–2016 г. значительно выросло (тыс. межд. долл./человека):

- для первой группы — с 9,4 до 12,5;
- для второй группы — с 32,1 до 45,8;
- для третьей группы — с 71,0 до 83,7;
- для группы четырех англосаксонских стран — с 95,0 до 109,9.

Можно констатировать некоторые сдвиги долей 10-го дециля, но разрыв между богатыми и бедными за 16 лет в XXI в. значительно возрос. Наблюдаются определенные сдвиги в структуре неравенства при длительных периодах роста в развивающихся и среднеразвитых странах. Для высокоразвитых стран картина иная, поэтому надо переосмыслить наше понимание экономического роста и структуры социальных институтов на разных уровнях развития применительно к проблеме неравенства.

Эта структура социальной стратификации вносит определенный вклад в изучение проблемы среднего класса или средних классов — в зависимости от подхода. С точки зрения междисциплинарных исследований приведенные параметры структуры и динамики доходов по группам позволяют точнее оценить положение гражданского общества в рассматриваемых странах. Анализ данных показывает, что в большинстве стран социальное неравенство формируется под воздействием различных исторических процессов (например, 1990-е годы

⁵ Для удобства рассмотрения и дальнейшего анализа мы приводим сводные данные по кластерной и децильно-квинтильной структуре 106 стран на 2016 г. в Приложении 1.

**Средняя доля в доходах (в %) и вмененный ВВП
на душу населения по ППС (тыс. межд. долл./человека),
по группам стран (92 страны), 2000, 2008 и 2016 гг.**

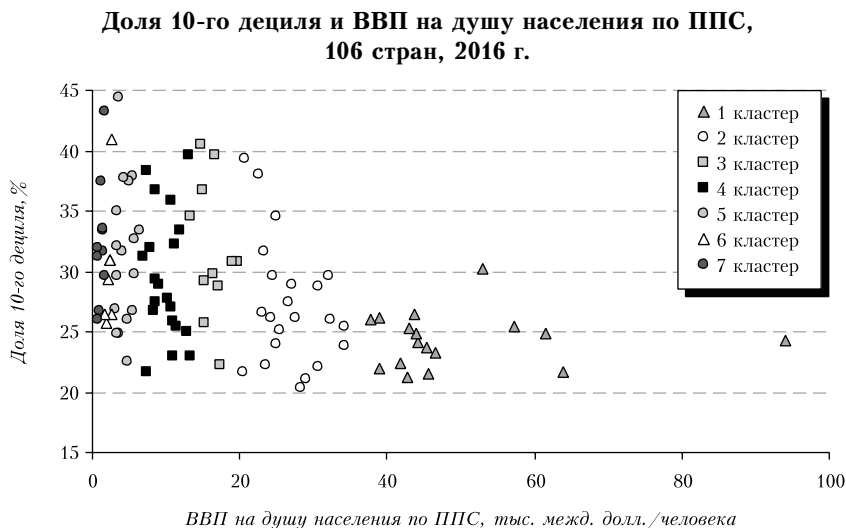
№	Группа стран по ВВП на душу населения по ППС (тыс. межд. долл./человека)	Доля в доходах			Вмененный ВВП на душу населения по ППС		
		2000	2008	2016	2000	2008	2016
1 дециль	Меньше 10	2,3	2,5	2,6	0,6	1,0	1,2
	От 10 до 25 (развивающиеся)	2,2	2,4	2,5	2,1	3,4	4,0
	Больше 25	3,2	3,1	3,0	10,7	12,4	12,4
	Англосаксонские страны	2,5	2,5	2,5	9,2	10,5	10,7
2 дециль	Меньше 10	3,5	3,8	3,9	1,0	1,5	1,8
	От 10 до 25 (развивающиеся)	3,5	3,7	3,9	3,5	5,4	6,3
	Больше 25	4,9	4,9	4,8	16,3	19,3	19,4
	Англосаксонские страны	4,2	4,2	4,1	15,8	17,6	18,2
1 квинтиль	Меньше 10	5,8	6,3	6,5	0,8	1,2	1,5
	От 10 до 25 (развивающиеся)	5,7	6,0	6,4	2,8	4,4	5,1
	Больше 25	8,0	8,0	7,8	13,5	15,9	15,9
	Англосаксонские страны	6,7	6,7	6,6	12,5	14,0	14,5
2 квинтиль	Меньше 10	9,8	10,4	10,7	1,4	2,0	2,4
	От 10 до 25 (развивающиеся)	10,0	10,3	10,8	5,0	7,5	8,7
	Больше 25	12,9	13,0	13,0	21,4	25,5	26,0
	Англосаксонские страны	11,8	11,7	11,6	22,2	24,8	25,8
3 квинтиль	Меньше 10	14,0	14,6	14,9	2,0	2,8	3,3
	От 10 до 25 (развивающиеся)	14,4	14,7	15,1	7,3	10,7	12,2
	Больше 25	16,9	17,0	17,2	27,9	33,2	34,2
	Англосаксонские страны	16,4	16,2	16,3	31,0	34,5	36,2
4 квинтиль	Меньше 10	20,6	21,1	21,3	3,0	4,1	4,8
	От 10 до 25 (развивающиеся)	21,2	21,3	21,5	10,8	15,4	17,3
	Больше 25	22,3	22,4	22,7	36,6	43,7	44,9
	Англосаксонские страны	22,6	22,6	22,9	42,9	48,3	51,1
5 квинтиль	Меньше 10	49,8	47,5	46,6	7,2	9,1	10,3
	Развивающиеся (от 10 до 25)	48,8	47,7	46,3	24,8	33,8	36,9
	Больше 25	39,9	39,7	39,4	64,9	76,6	77,4
	Англосаксонские страны	42,7	42,9	42,6	81,4	92,3	95,7
9 дециль	Меньше 10	15,4	15,4	15,4	4,5	5,9	6,8
	От 10 до 25 (развивающиеся)	15,7	15,6	15,6	16,0	22,4	25,0
	Больше 25	14,7	14,8	14,9	48,1	57,3	58,7
	Англосаксонские страны	15,4	15,4	15,6	58,6	66,1	69,7
10 дециль	Меньше 10	34,4	32,1	31,2	10,0	12,3	13,7
	От 10 до 25 (развивающиеся)	33,1	32,1	30,8	34,2	46,5	49,8
	Больше 25	25,2	24,9	24,5	81,7	96,0	96,1
	Англосаксонские страны	27,2	27,5	27,1	104,2	118,6	121,6

Источник: расчеты авторов по данным Всемирного банка.

в России), а затем фактически не изменяется. Безусловно, вертикальные социальные лифты (особенно в англосаксонских странах) позволяют некоторым индивидам (например, в шоу-бизнесе или спорте) перейти на принципиально иной уровень дохода, но в масштабе страны существенного сдвига в неравенстве не происходит. Несовершенства рыночной экономики и особенности социальной структуры общества (например, до недавнего времени касты в Индии), неэффективные рынки образования и труда во многом закрепляют неравенство в стране.

На рисунке 1 показана закономерность, которую, видимо, можно связать с Великой дивергенцией (Great Divergence — Великое расхождение, или Европейское экономическое чудо), колониализмом, трансформацией постсоциалистического пространства, различиями англосаксонской и европейской континентальной моделей рыночного хозяйства. Доля 10-го дециля варьирует в широком диапазоне до примерно 25 тыс. межд. долл./человека (или до вхождения стран во 2-й кластер). Далее доля 10-го дециля начинает несколько снижаться, и вариация сокращается, входя в относительно узкий диапазон. Англосаксонские страны находятся в среднем выше и «правее» большей группы развитых стран (более 25 тыс. межд. долл./человека). Фактически мы видим еще одно проявление различий двух моделей рыночного хозяйства и их социальных институтов (налоги, вертикальная мобильность) применительно к социальному неравенству. Это важно, в частности, для понимания путей развития пореформенной экономики России и сочетания социальной мобильности и патернализма.

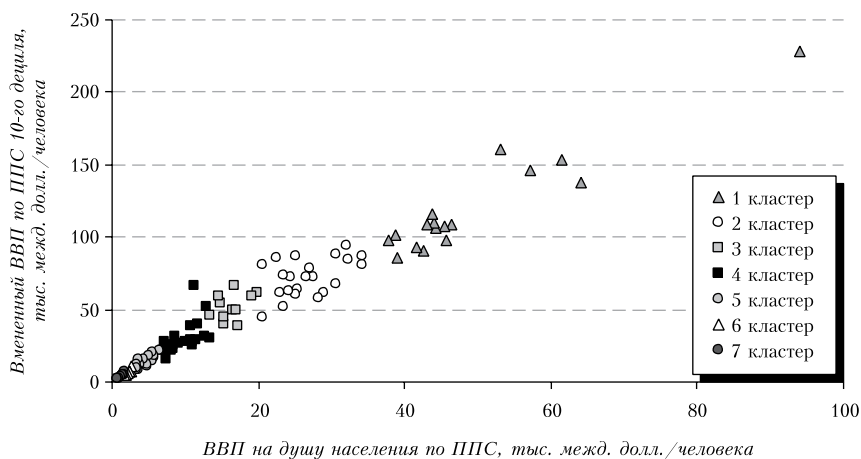
Для большей наглядности мы показываем рассматриваемые страны на рисунке 2 индивидуально, а не по групповым средним показателям. Из рисунка 2 ясно следует: чем выше ВВП на душу населения в стране, тем выше доход 10-го дециля на душу его «участника». Отрыв начинается примерно при пересечении отметки 15 тыс. межд.

Источник: расчеты авторов по данным Всемирного банка.

Рис. 1

Вмененный ВВП по ППС 10-го дециля и ВВП на душу населения по ППС
(тыс. межд. долл./человека), 106 стран, 2016 г.

Источник: расчеты авторов по данным Всемирного банка.

Рис. 2

долл./человека в стране. Рекордную долю 10-го дециля Люксембурга можно рассматривать как экзотику, но нельзя отрицать факт резкого отделения состоятельных слоев от остального населения по уровню дохода еще на ранних стадиях развития и закрепления этих преимуществ по мере экономического роста в стране.

Характеристики неравенства по ключевым группам стран

Мы более подробно проанализируем уровень и характер социального неравенства внутри ключевых стран, а также выявим его движущие силы в следующих работах, а в этой остановимся на наиболее интересных группах. Ниже мы рассмотрим динамику и некоторые особенности неравенства в Европейском союзе и бывших соцстранах, а также странах БРИКС в последние десятилетия, поскольку они представляют собой важные практические примеры.

Европейский союз

Рассматривая процесс конвергенции, нельзя не упомянуть в целом успешный (во всяком случае для ряда стран) процесс интеграции стран Центральной и Восточной Европы в ЕС. С точки зрения соотношения темпов роста «старых 15» и «новых 13» он прошел два этапа. В 2000–2008 гг. темпы роста новых членов ЕС (до 2004 г. — будущих) существенно превышали темпы роста ядра ЕС (табл. 3). На наш взгляд, тут действовала синергия трех факторов. Во-первых, эти страны в начале 2000-х годов преодолели трансформационный кризис и вышли на траекторию роста

**Население и ВВП на душу населения по ППС,
доля 10-го дециля в доходах, 2000–2016 гг.**

Страна	Население, млн человек		ВВП на душу населения по ППС, тыс. межд. долл./человека			Доля 10-го дециля, %		
	2000	2016	2000	2008	2016	2000	2008	2016
<i>ЕС-15</i>								
Люксембург	0,4	0,6	82,1	95,7	98,0	23,7	25,8	24,3
Ирландия	3,8	4,7	38,8	46,1	64,2	н. д.	н. д.	24,9
Нидерланды	15,9	17,0	41,9	47,4	47,5	23,7	23,7	23,3
Швеция	8,9	10,0	36,9	43,4	46,1	21,1	21,5	21,5
Германия	81,5	82,5	37,6	42,2	44,9	25,2	24,6	24,9
Дания	5,3	5,7	41,2	44,7	44,7	20,6	21,0	23,7
Австрия	8,0	8,7	38,9	44,3	44,3	23,8	24,1	24,1
Бельгия	10,2	11,3	37,0	41,5	41,7	25,1	22,7	22,4
Франция	58,9	64,6	36,0	38,8	39,3	24,5	26,7	26,0
Великобритания	58,9	65,6	33,3	38,1	39,3	27,8	26,4	26,2
Финляндия	5,2	5,5	34,6	42,3	39,2	23,2	23,0	22,0
Италия	56,9	60,7	36,1	37,3	34,1	26,3	25,5	25,5
Испания	40,6	46,4	30,3	34,6	33,7	24,9	25,6	26,0
Португалия	10,3	10,3	25,8	27,4	26,8	30,8	28,9	27,4
Греция	10,8	10,8	25,6	32,9	24,9	25,5	26,0	26,1
<i>ЕС-13</i>								
Мальта	0,4	0,4	25,4	29,3	37,0			
Кипр	0,7	0,8	31,4	37,8	32,4			28,8
Чехия	10,3	10,6	21,0	29,2	31,1	22,7	22,9	22,1
Словения	2,0	2,0	22,7	31,2	29,9	20,6	20,1	21,1
Словакия	5,4	5,4	15,5	25,3	29,1	22,1	21,4	20,3
Литва	3,5	2,9	12,1	23,5	27,8	27,9	27,6	28,9
Эстония	1,4	1,3	15,3	25,3	27,5			
Польша	38,3	38,0	14,7	20,2	25,7	26,1	26,7	25,2
Венгрия	10,2	9,8	17,9	23,7	25,5	24,2	22,1	24,0
Латвия	2,4	2,0	11,2	21,4	23,8	28,5	27,7	26,6
Хорватия	4,4	4,2	15,7	21,7	21,3	н. д.	н. д.	н. д.
Румыния	22,4	19,8	10,1	18,2	20,7	23,3	23,2	21,6
Болгария	8,2	7,1	9,4	16,2	18,9	н. д.	н. д.	28,8

Источники: МВФ; Всемирный банк.

под влиянием фундаментальных факторов рыночной экономики. Во-вторых, открытие рынков и вступление в ЕС сыграли существенную роль в ускорении их развития. В-третьих, отметим значительную финансовую поддержку со стороны ЕС — вложения на выравнивание развития (АЦ, 2017b; 2017c).

В 2008 г. средневзвешенный ВВП по ППС стран ЕС-13 составлял 55,2%, а в 2016 г. — 63,5% аналогичного показателя ЕС-15. С 1980 по 1990 г. средний по ЕС показатель ВВП на душу населения по ППС вырос с 25,4 тыс. межд. долл./человека (9 членов) до 30 тыс. (12 членов).

В 2000 г. в ЕС-15 подушевой ВВП по ППС достиг 35,3 тыс. межд. долл./человека, с вариациями от чуть менее 26 тыс. в Греции и Португалии до 41,2 тыс. в Дании и 41,9 тыс. межд. долл./человека

в Нидерландах (максимальный показатель в Люксембурге — 82,1 тыс. межд. долл./человека). Рост экономики в 2000-е годы был интенсивным, и средневзвешенный уровень ВВП на душу населения по ППС в «старых» членах ЕС поднялся с 35,3 тыс. межд. долл./человека до 39,3 тыс. В результате к 2008 г. — перед рецессией — ситуация изменилась, и в группу лидеров в ЕС-15 по данному показателю вошли также Ирландия, Германия, Финляндия и Швеция.

Подушевой ВВП по ППС в странах из состава «новых» (13 будущих) членов ЕС в 2000 г. в среднем составлял 14,7 тыс. межд. долл./человека, но к 2008 г. вырос до 21,7 тыс., или с 41,6 до 55,2% среднего показателя ЕС-15. Это был значительный успех для Кипра, Словении, Чехии и стран Балтии, который может частично ассоциироваться с эффектами интеграции. В то же время динамичный рост ряда стран ЕС-13 во многом был естественным и стал результатом десятилетней трансформации экономических институтов. Таким образом, вступление «новых» членов, безусловно, увеличило разброс показателей ВВП на душу населения по ППС в ЕС в целом, так как уровень развития новичков был значительно ниже, однако в силу экономического роста до и после 2004 г. разрыв между странами ЕС-15 и ЕС-13 несколько сократился.

Общая благоприятная тенденция к выравниванию уровней развития и быстрых темпов роста во многих странах ЕС была нарушена кризисом 2008—2009 гг. Относительно легко его прошла Польша, которая начинает выходить в лидеры по динамике роста среди «новых» членов; сохраняют свои позиции Чехия, Словакия и Словения. Но общий рост подушевого ВВП за восемь лет был не слишком велик, и группа вышла на уровень 25,1 тыс. межд. долл./человека. Однако этого было достаточно, чтобы увеличить относительный показатель до 63,5% от развитой группы стран.

Дело в том, что в более развитой группе «старых» членов ситуация во время и после кризиса 2008—2009 гг. оказалась даже сложнее, чем в менее развитых странах. В Испании депрессия затянулась на пять лет (АЦ, 2017а). В ряде стран в 2016 г. подушевой ВВП по ППС был ниже, чем в 2008 г., включая не только Грецию, но и Италию и Испанию. В результате за восемь лет средневзвешенный подушевой ВВП по ППС ЕС-15 вырос с 39,3 тыс. лишь до 39,5 тыс. межд. долл./человека.

Это во многом объясняет обеспокоенность европейских элит трудностями внутреннего развития, остроту проблем в сфере финансов и долгов, а также необходимость решения кризиса южных стран. Ожидаемый выход Великобритании из ЕС (Брексит) тоже нужно рассматривать на фоне общей картины. Во всяком случае, эта страна по данному показателю догнала к 2016 г. Францию, но еще больше отстала от Германии. Отметим успех Ирландии, где ВВП на душу населения по ППС увеличился с 38,8 тыс. межд. долл./человека в 2000 г. до 64,2 тыс. в 2016 г.

Европейская группа представляет «кластер ЕС» с точки зрения огромных усилий по интеграции, вложенных средств и множества шагов в различных областях с целью укрепить «Аки коммунитер» (*Acquis communautaire*, сумма законодательных норм и администра-

тивных правил ЕС⁶). В плане неравенства большинство этих стран, за исключением Великобритании и Португалии, — пример скорее его низкого уровня, и доля 10-го дециля колеблется незначительно.

Бывшие социалистические страны

Данные о неравенстве в социалистических странах в 1992 г. оценить сложно, так как в подавляющем большинстве из них в этом году происходили коренные изменения. Можно отметить важность кризиса на постсоветском пространстве, сопровождавшегося ростом неравенства как в рамках всей группы, так и в отдельных странах, что отмечал, в частности, Миланович (Milanovic, 1998). Это создало потенциал для значительного экономического роста (в том числе восстановительного) в бывшем социалистическом лагере в 2000-е годы и скачкообразного роста неравенства в период перехода к частной собственности и рыночной экономике, однако фактически неравенство в этих странах изменилось незначительно. По доступной нам статистике по кругу социалистических стран средняя доля 10-го дециля в 1992 г. составляла 27,0%, а в 2000 г. она снизилась до 25,5%. Однако это обусловлено крайне высоким неравенством в Киргизии в 1992 г. (доля 10-го дециля составляла 40,3%). Без ее учета средняя доля 10-го дециля в доходах в бывших социалистических странах была равна 25,6% в 1992 г. и 25,9% в 2000 г.

Данные за 2000–2016 гг. показывают снижение доли 10-го дециля почти во всех странах. Наиболее сильно она снизилась в Молдавии (с 28,5 до 22,5%) и Казахстане (с 26,7 до 22,3%), а увеличилась в России (с 27,6 до 29,7%). Российское неравенство по денежным доходам населения сформировалось в 1990-е годы и с тех пор мало меняется. Доли квинтилей в распределении доходов фактически не изменились с 1999 г., как и его структура в целом (Григорьев, Павлюшина, 2017).

Страны БРИКС

Группа стран БРИКС объединяет экономики с существенными различиями в уровне развития и моделях экономического роста. Китай, сравнимый по численности населения с Индией, производит почти в 2,5 раза больше ВВП по ППС (23,2 трлн межд. долл. и 9,5 трлн соответственно в 2017 г.). Разброс показателя ВВП на душу населения по ППС в текущих ценах 2017 г. внутри БРИКС составляет 3,9 раза. Значения этого показателя для Китая, Бразилии и ЮАР близки: 16,7, 15,6 и 13,5 тыс. межд. долл./человека соответственно. Россия почти в два раза опережает эти страны (27,8 тыс. межд. долл./человека), а Индия в два раза отстает от них (7,2 тыс.). При этом максимальное социальное неравенство отмечается в ЮАР (в силу специфики сбора статистики страна не представлена на графиках), которая находится в середине распределения. Доля наиболее богатого 10-го дециля

⁶ Но значение термина гораздо шире. Это совокупность европейских ценностей, достижений на общеевропейском пространстве, цивилизационный код Европы. — *Примеч. ред.*

в доходах в 2017 г. была равна 50,5% в ЮАР, 40,4 — в Бразилии, 31,4 — в Китае, 29,8 — в Индии и 29,7% — в России.

Отметим также, что в странах БРИКС задача снижения социального неравенства поставлена на политическом уровне. Так, Председатель Правительства Российской Федерации Д. А. Медведев (2016) указывал, что оно «не вызывало особой тревоги в условиях устойчивого и динамичного роста», но теперь «становится источником экономической и политической нестабильности». Правительство ЮАР главными факторами, тормозящими развитие в настоящее время, называет безработицу, неравенство, бедность, а также отсутствие необходимой инфраструктуры, в том числе для более быстрого развития промышленности.

На 18-м съезде КПК (2012 г.) премьер Госсовета КНР Ли Кэцян назвал содействие социальной справедливости одним из приоритетных направлений развития страны. После 2008 г. в Китае значительно снизился уровень бедности, но выросло неравенство (в том числе за счет роста доходов городского населения относительно доходов сельского). В целом значительный рост благосостояния в КНР сопровождался неравенством, высоким для социалистической страны, но относительно низким по сравнению со многими развивающимися странами. В настоящее время вопрос о перспективах неравенства, снижение которого могло бы поддержать переориентацию роста на внутренний рынок, стал предметом анализа и обсуждения. В процессе рыночного подъема (между 1980 и 2015 гг.) произошел огромный скачок в развитии, был достигнут новый уровень жизни, но сформировался и новый тип социального неравенства с отрывом доходов 10-го дециля от остального населения, что документировало исследование МВФ (см. график 5 в: Jain-Chandra et al., 2018). Причем его авторы скептически оценили возможность улучшить положение в этой сфере в будущем. Заметим, что национальная статистика Китая по неравенству показывает различия в доходах не только по стратам, но даже по профессиям (в условиях плановой экономики и смешанной собственности).

Неравенство и социальные показатели по кластерам

Кластерный анализ социальной статистики по 106 странам достаточно надежен (особенно в состоятельных 1–4-м кластерах). Ранее (Григорьев, Павлюшина, 2018) мы показали, что структура занятости и энергопотребление четко связаны с уровнем развития. Покажем, что более широкий набор социально-экономических и даже социально-политических показателей (хотя не все) коррелирует с уровнем развития и неравенства по кластерам (табл. 4).

Показатель доли продовольствия в личных потребительских расходах (учитывается в категории «товары краткосрочного пользования») фактически выступает «дублером» бедности. Чем выше эта доля, тем дальше страна от достатка, интеллектуального развития в терминах «постиндустриального общества» или свободного развития человека в марксистской системе понятий. Важно существенное увеличение свободного

времени, возможностей рекреации, досуга и использования специальных товаров для рекреации — тут иерархия кластеров очень заметна.

Индексы демократии и доля населения, имеющего доступ к Интернету, в целом характеризуются выраженной кластерной иерархией (табл. 5). Однако отметим, что исключение ряда нефтяных экс-

Т а б л и ц а 4

**Структура личного потребления
и доля 10-го дециля в доходах, 2016 г.* (в %)**

№ кластера/ страна	Границы кластеров, тыс. межд. долл./человека		ТДП	Товары краткосрочного пользования	Услуги	Отдых и развлечения	На ТДП для культуры и рекреации	Доля 10-го дециля
	нижн.	верхн.						
1	35,1	—	14,4	25,8	52,4	8,5	0,35	24,3
2	21,1	35,1	8,9	40,4	43,5	6,4	0,09	27,2
3	14,0	21,1	10,0	43,8	39,2	4,8	0,11	31,7
4	7,0	14,0	7,8	46,8	39,6	3,3	0,04	29,5
5	3,2	7,0	7,6	54,8	31,6	1,5	0,05	31,4
6	1,8	3,2	8,2	57,8	27,1	1,5	0,04	30,1
7	—	1,8	4,8	62,8	28,3	1,0	0,02	32,5
США			8,8	17,8	66,6	9,2	0,46	30,2
Германия			11,2	27,3	52,3	8,7	0,26	24,9
Бразилия			10,2	39,3	43,0	4,2	0,04	40,5
Индия			3,3	41,2	47,2	0,9	0,02	29,8
Китай			7,3	34,7	48,5	5,5	0,08	31,8
Россия			12,1	49,1	31,8	4,9	0,02	29,7

* Или последний доступный год.

Источник: расчеты авторов по данным Всемирного банка и Евромонитора.

Т а б л и ц а 5

Социально-экономические показатели по кластерам, 2016 г.

№ кластера/ страна	Расходы на НИОКР, % ВВП	Доля населения с доступом к Интернету, %	Индекс демократии	Доля населения старше 25 лет с третичным образованием, %	Ожидаемая продолжительность жизни при рождении, лет	Рождаемость (на 1000 человек)
1	2,1	88,0	7,9*	32,1	81,1	11,4
2	1,3	70,2	6,8	25,8	76,8	13,0
3	0,7	56,8	5,6	18,8	73,2	16,5
4	0,4	48,3	5,7	20,4	72,3	18,5
5	0,3	30,6	4,5	32,7**	67,7	26,6
6	0,1	17,3	4,5	2,1	67,5	32,5
7	0,3	10,6	3,8	—	59,1	37,3
США	2,8	76,0	8,0	42,3	78,7	12,4
Германия	2,9	89,6	8,6	25,4	81,1	9,3
Бразилия	—	60,9	6,9	—	—	14,2
Индия	0,6	29,5	7,2	—	—	19,0
Китай	2,1	53,2	3,1	—	—	12,0
Россия	1,1	73,0	—	—	70,9	12,9

* Без арабских стран. ** Особенность Турции.

Источник: расчеты авторов по данным Всемирного банка и МВФ.

портеров в первом кластере из средней величины по индексу демократии дает более точную картину: неравенство как доля 10-го дециля в доходе постепенно снижается по шкале вверх, но разрыв в дистанции от бедных при этом возрастает.

Социальные параметры дают четкую картину различий по кластерам. Прежде всего отметим снижение рождаемости, рост продолжительности жизни и доли лиц с высшим образованием, а также расходов на НИОКР по мере повышения благосостояния. Неравенство, возможно, критически важный элемент в системе формальных и неформальных институтов, характеризующих развитие общества при определенном уровне дохода.

Догоняющее развитие в терминах кластерного подхода подразумевает комплексный переход всей системы институтов на более высокий уровень при одновременном увеличении душевого дохода в среднем примерно вдвое (характерный разрыв между кластерами). У каждой страны тут своя специфика, но и общие тенденции и параметры сохраняют значение: для преодоления разрыва вдвое между кластерами по ВВП на душу населения страна должна расти с большим преимуществом в темпах прироста над остальными странами, причем с поправкой на рост населения.

* * *

Какие выводы можно сделать из анализа распределения большой группы экономических и социально-политических показателей по кластерам? Прежде всего отметим устойчивость сложившейся ранее системы неравенства за рассмотренный период. Наблюдается общая ригидность неравенства, причем в ее англосаксонской и континентальной моделях. Тем самым мы полагаем, что институты и факторы, действующие в пользу перераспределения доходов — эффективность рынка труда, социальное государство, прогрессивное налогообложение, налоги на наследство и проч., — не позволят преодолеть «торможение», заложенное в институты современной экономики и общества. Это достаточное основание для совершенствования теории, а не для поиска простых методов перераспределения доходов, поскольку это не решает собственно проблему их неравенства.

Разумеется, в результате быстрого развития Китая, Ю. Кореи, Индии огромные массы населения переместились вверх по мировой социальной лестнице, но это не сняло различий между странами, а в странах — между децилями населения. В рамках картины, характеризующей неравенство и его ригидность во всех кластерах, социальная ситуация в мире оказывается иной, чем представлялось недавно: намного меньше оснований для оптимизма в части мирового сближения. Это, в частности, следует из тенденций, которые наблюдаются в XXI в. Нет сомнений, что каждая страна, прилагая экстраординарные усилия, видимо, сможет продвинуться вверх по кластерам и сократить внутреннее неравенство, но вряд ли возможен массовый сдвиг.

В будущих работах мы также намерены выявить особенности рынка труда и проанализировать их влияние на социальное неравенство, а также проблему неравенства по богатству.

Мы уверены в устойчивости этих выводов: их можно рассматривать как стилизованные факты, для которых надо усовершенствовать теорию. Но выводы относительно структуры распределения экономических и социально-политических показателей могут трактоваться в мягком и жестком вариантах. Мягкий вариант означает, что мы корректно определили границы кластеров как инструмент анализа и выявили существенные различия между ними, которые далеко выходят за пределы «уровней развития» по ВВП на душу населения по ППС. Как минимум, можно утверждать, что каждому кластеру соответствует свой набор характеристик всех (большинства) показателей.

В ходе развития недостаточно повысить ВВП на душу населения вдвое, чтобы перейти в более высокий кластер. Важно изменить общественную систему, чтобы социальные показатели находились в определенном соответствии (конгруэнтности) между собой и с уровнем ВВП на душу населения. Строго говоря, это конкретизирует требования к устойчивому развитию в рамках смены этого уровня. Но при таком подходе мы не рискуем считать данные кластеры неким самостоятельным типом общества. Пожалуй, лишь в отношении первого кластера (но за вычетом ряда стран по критерию большого отклонения социально-политических показателей) можно с уверенностью утверждать, что там есть набор показателей, характеризующих переход в область постиндустриального развития. Отметим, что такой подход задает более высокие и частично квантифицируемые критерии при формулировании стратегий национального развития.

Потенциально этот набор кластерных показателей и характеристик можно трактовать жестче — на чем мы не настаиваем. В этом случае данные кластеры будут представлять качественно различные типы экономики и общества. Тогда переходы между ними можно, следуя марксистской терминологии, назвать «качественным скачком». Мы не предлагаем названий кластеров на языке социального развития, в частности потому, что не видим идеала, особенно по показателю неравенства. Но полагаем, что найдутся желающие сделать это!

Список литературы / References

- Асемоглу Д., Джонсон С., Робинсон Дж. (2006). Институты как фундаментальная причина долгосрочного экономического роста // Экономический вестник. № 5. С. 4–43. [Acemoglu D., Johnson S., Robinson J. (2006). Institutions as a fundamental cause of long-run growth. *Ekonomicheskiy Vestnik*, No. 5, pp. 4–43. (In Russian).]
- АЦ (2017a). Бюллетень о текущих тенденциях мировой экономики. № 25. Октябрь. М.: Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации. <http://ac.gov.ru/files/publication/a/14770.pdf> [Analytical Center for the Government of the Russian Federation (2017a). *Bulletin on current trends in global economy*, No. 25, October. Moscow. (In Russian).]
- АЦ (2017b). Бюллетень о текущих тенденциях мировой экономики. № 26. Ноябрь. М.: Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации. <http://ac.gov.ru/files/publication/a/15555.pdf> [Analytical Center for the Government of the Russian Federation (2017b). *Bulletin on current trends in global economy*, No. 26, November. Moscow. (In Russian).]

- АЦ (2017с). Бюллетень о текущих тенденциях мировой экономики. № 27. Декабрь. М.: Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации. <http://ac.gov.ru/files/publication/a/15671.pdf> [Analytical Center for the Government of the Russian Federation (2017с). *Bulletin on current trends in global economy*, No. 27, December. Moscow. (In Russian).]
- Григорьев Л. М. (2016). Социальное неравенство в мире — интерпретация неочевидных тенденций // Журнал Новой экономической ассоциации. № 3 (31). С. 160–170. [Grigoryev L. M. (2016). Social inequality in the world — the interpretation of non-evident tendencies. *Journal of the New Economic Association*, No. 3 (31), pp. 160–170. (In Russian).]
- Григорьев Л. М., Павлюшина В. А. (2017). Социальное неравенство как проблема экономической стратегии России // Мир новой экономики. № 3. С. 58–71. [Grigoryev L. M., Pavlyushina V. A. (2017). Social inequality as a problem of Russia's economic strategy. *Mir Novoy Ekonomiki*, No. 3, pp. 58–71. (In Russian).]
- Григорьев Л. М., Павлюшина В. А. (2018). Межстрановое неравенство: динамика и проблема стадий развития // Вопросы экономики. № 7. С. 5–29. [Grigoryev L. M., Pavlyushina V. A. (2018). Inter-country inequality in dynamics and the problem of post-industrial development. *Voprosy Ekonomiki*, No. 7, pp. 5–29. (In Russian).]
- Григорьев Л., Паршина Е. (2013). Экономическая динамика стран мира в 1992–2010 годах: неравномерность роста // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 5: Экономика. № 4. С. 70–86. [Grigoryev L., Parshina E. (2013). Economic dynamics of the countries of the world in 1992–2010: Uneven growth. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo Universiteta, Series 5: Economics*, No. 4, pp. 70–86. (In Russian).]
- Григорьев Л. М., Салмина А. А. (2013). Структура социального неравенства современного мира: проблемы измерения // Социологический журнал. № 3. С. 5–21. [Grigoryev L. M., Salmina A. A. (2013). Structure of social inequality of the modern world: Measurement problems. *Sotsiologicheskii Zhurnal*, No. 3, pp. 5–21. (In Russian).]
- Джомо К. С., Попов В. В. (2016). Долгосрочные тенденции в распределении доходов // Журнал Новой экономической ассоциации. Т. 8, № 3. С. 146–160. [Dzhomo K. S., Popov V. V. (2016). Long-term trends in income distribution. *Journal of the New Economic Association*, Vol. 8, No. 3, pp. 146–160. (In Russian).]
- Капелюшников Р. (2017). Неравенство: как не примитивизировать проблему // Вопросы экономики. № 4. С. 117–139. [Kapeliushnikov R. (2017). Inequality: How not to primitivize the problem. *Voprosy Ekonomiki*, No. 4, pp. 117–139. (In Russian).]
- Клинов В. (2017). Сдвиги в мировой экономике в XXI веке: проблемы и перспективы развития // Вопросы экономики. № 7. С. 114–127. [Klinov V. (2017). Shifts in the world economy in the 21st century: Problems and prospects for development. *Voprosy Ekonomiki*, No. 7, pp. 114–127. (In Russian).]
- Маркс К., Энгельс Ф. (1955 [1848]). Манифест Коммунистической партии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М.: Политиздат, Т. 4. С. 419–459. [Marx K., Engels F. (1955 [1848]). Manifesto of the Communist party. In: Marx K., Engels F. *Works*, 2nd ed. Moscow: Politizdat, Vol. 19, pp. 419–459. (In Russian).]
- Май В. (2012). Человеческий капитал: вызовы для России // Вопросы экономики. № 7. С. 114–132. [May V. (2012). Human capital: Challenges for Russia. *Voprosy Ekonomiki*, No. 7, pp. 114–132. (In Russian).]
- Медведев Д. (2016). Социально-экономическое развитие России: обретение новой динамики // Вопросы экономики. № 10. С. 5–30. [Medvedev D. (2016). Social and economic development of Russia: Finding new dynamics. *Voprosy Ekonomiki*, No. 10, pp. 5–30. (In Russian).]
- Меркулова Т. В. (2010). Экономический рост и неравенство: институциональный аспект и моделирование взаимосвязи // Мир России. Социология. Этнология. Т. 19. № 2. С. 59–77. [Merkulova T. V. (2010). Economic growth and inequality: Institutional aspect and modeling of the relationship. *Mir Rossii. Sotsiologiya. Ethnologiya*, Vol. 19, No. 2, pp. 59–77. (In Russian).]

- Миланович Б. (2016). Глобальное неравенство: от классовой принадлежности к стране проживания, от пролетариев к мигрантам // Экономическая политика. Т. 11, № 1. С. 14–26. [Milanovic B. (2016). Global inequality: From class affiliation to the country of residence, from proletarians to migrants. *Ekonomicheskaya Politika*, Vol. 11, No. 1, pp. 14–26. (In Russian).]
- Радаев В. В., Шкаратан О. И. (1996). Социальная стратификация: Учеб. пособие. М.: Аспект Пресс. [Radaev V. V., Shkaratan O. I. (1996). *Social stratification: A textbook*. Moscow: Nauka. (In Russian).]
- Aghion P., Caroli E., Garcia-Penalosa C. (1999). Inequality and economic growth: The perspective of the new growth theories. *Journal of Economic Literature*, Vol. 37, No. 4, pp. 1615–1660.
- Alvaredo F., Chancel L., Piketty T., Saez E., Zucman G. (eds.) (2018). *World inequality report 2018*. Belknap Press of Harvard University Press.
- Atkinson A. B. (1975). *The economics of inequality*. London: Oxford University Press.
- Atkinson A. B. (2015). *Inequality: What can be done?* Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Atkinson A. B., Piketty T. (eds.) (2007). *Top incomes over the twentieth century: A contrast between continental European and English-speaking countries*. Oxford: Oxford University Press.
- Barbarà A. (2012). Inequality in Europe. *Australian Options*, No. 71, pp. 5–6.
- Barro R. J. (2000). Inequality and growth in a panel of countries. *Journal of Economic Growth*, Vol. 5, No. 1, pp. 5–32.
- Hoffman P. T., Jacks D. S., Levin P. A., Lindert P. H. (2002). Real inequality in Europe since 1500. *Journal of Economic History*, Vol. 62, No. 2, pp. 322–355.
- Jain-Chandra M. S., Khor N., Mano R., Schauer J., Wingender M. P., Zhuang J. (2018). Inequality in China – trends, drivers and policy remedies. *IMF Working Papers*, No. 18/127.
- Kaldor N. (1955–1956). Alternative theories of distribution. *Review of Economic Studies*, Vol. 23, No. 2, pp. 83–100.
- Koot G. M. (2013). *The Great Divergence: Explaining why Asian economic growth lagged behind European growth, 1500–1870*. Dartmouth: History Department, University of Massachusetts.
- Krugman P. (2008). Inequality and redistribution In: N. Serra, J. E. Stiglitz (eds.). *The Washington Consensus reconsidered: Towards a New Global Governance*. New York: Oxford University Press, pp. 31–40.
- Krugman P. (2013). Why inequality matters. *New York Times*, December 15.
- Kuznets S. (1955). Economic growth and income inequality. *American Economic Review*, Vol. 45, No. 1, pp. 1–28.
- Lakner C., Milanovic B. (2013). *Global income distribution: From the fall of the Berlin Wall to the Great Recession*. Washington, DC: World Bank.
- Li H., Zou H. F. (1998). Income inequality is not harmful for growth: Theory and evidence. *Review of Development Economics*, Vol. 2, No. 3, pp. 318–334.
- Milanovic B. (1998). *Income, inequality, and poverty during the transition from planned to market economy* (World Bank Regional and Sectoral Studies). Washington, DC: World Bank. <http://documents.worldbank.org/curated/en/229251468767984676/pdf/multi-page.pdf>
- Piketty T. (2014). *Capital in the 21st century*. Cambridge and London: Harvard University Press. [Рус. пер.: Пикетти Т. Капитал в XXI веке. М.: Ад Маргинем Пресс, 2015].
- Pomeranz K. (2009). *The Great Divergence: China, Europe, and the making of the modern world economy*. Princeton University Press.
- Rognlie M. (2015). Deciphering the fall and rise in the net capital share: Accumulation or scarcity? *Brookings Papers on Economic Activity*, Spring, No. 1, pp. 1–69.
- Stiglitz J. E. (2012). *The price of inequality: How today's divided society endangers our future*. New York: W. W. Norton.
- Stiglitz J. (2013). Inequality is holding back the recovery. *New York Times*, January 19.

Средние, стандартное отклонение и вариация доли доходов (в %), вмененный ВВП на душу населения по ППС (2014 г.) (тыс. межд. долл./человека), 106 стран, 2016 г.

Дециль/ квинтиль	1 кластер		2 кластер		3 кластер		4 кластер		5 кластер		6 кластер		7 кластер	
	А	Б	А	Б	А	Б	А	Б	А	Б	А	Б	А	Б
1 дециль	Среднее	3,1	16,6	2,8	8,8	2,3	5,0	2,5	3,1	2,6	1,7	2,4	0,7	2,7
	Ст. откл.	0,6	5,2	0,7	3,1	0,8	2,1	0,9	1,4	1,0	0,8	1,0	0,3	0,6
	Вариация	0,2	0,3	0,3	0,3	0,4	0,4	0,4	0,5	0,4	0,5	0,4	0,4	0,2
2 дециль	Среднее	4,9	25,7	4,6	14,4	3,9	8,3	3,9	4,9	4,0	2,5	3,8	1,1	4,0
	Ст. откл.	0,6	7,1	0,8	3,8	0,9	2,4	1,0	1,6	1,0	1,0	1,1	0,4	0,7
	Вариация	0,1	0,3	0,2	0,3	0,2	0,3	0,3	0,3	0,3	0,4	0,3	0,3	0,2
1 квинтиль	Среднее	8,0	23,0	7,3	12,8	6,2	7,5	6,4	4,2	6,6	2,2	6,2	1,0	6,6
	Ст. откл.	1,2	9,6	1,5	4,5	1,7	2,5	1,9	1,7	2,0	0,9	2,1	0,4	1,3
	Вариация	0,1	0,4	0,2	0,4	0,3	0,3	0,3	0,4	0,3	0,4	0,3	0,4	0,2
2 квинтиль	Среднее	13,0	37,2	12,5	21,7	11,0	13,4	10,8	7,2	10,8	3,5	10,4	1,7	10,8
	Ст. откл.	1,1	15,1	1,5	6,4	1,7	3,8	1,9	2,6	1,9	1,1	2,3	0,7	1,3
	Вариация	0,1	0,4	0,1	0,3	0,2	0,3	0,2	0,4	0,2	0,3	0,2	0,4	0,1
3 квинтиль	Среднее	17,1	48,9	16,9	29,1	15,5	18,8	15,2	10,1	15,1	5,0	14,7	2,5	14,9
	Ст. откл.	0,7	19,6	1,1	7,8	1,5	5,0	1,7	3,4	1,4	1,4	1,9	0,9	1,3
	Вариация	0,0	0,4	0,1	0,3	0,1	0,3	0,1	0,3	0,1	0,3	0,1	0,4	0,1
4 квинтиль	Среднее	22,6	65,0	22,6	39,1	22,0	26,8	21,6	14,3	21,5	7,1	21,4	3,6	21,2
	Ст. откл.	0,3	26,4	0,6	10,5	1,0	7,0	1,3	4,6	0,7	1,9	1,0	1,3	1,4
	Вариация	0,0	0,4	0,0	0,3	0,0	0,3	0,1	0,3	0,0	0,3	0,0	0,4	0,1
5 квинтиль	Среднее	39,3	113,0	40,6	70,4	45,3	56,2	46,1	30,4	46,1	15,2	47,3	7,9	46,6
	Ст. откл.	2,8	47,4	4,1	21,7	5,5	21,7	6,4	8,8	5,7	4,9	6,9	2,8	4,7
	Вариация	0,1	0,4	0,1	0,3	0,1	0,4	0,1	0,3	0,1	0,3	0,1	0,3	0,1
9 дециль	Среднее	14,9	78,4	15,1	47,2	15,7	33,3	15,5	19,4	15,3	9,5	15,7	4,8	15,4
	Ст. откл.	0,6	20,8	0,8	7,3	0,7	4,0	0,8	3,6	0,9	2,1	1,0	0,8	0,8
	Вариация	0,0	0,3	0,1	0,2	0,0	0,1	0,1	0,2	0,1	0,2	0,1	0,2	0,1
10 дециль	Среднее	24,4	128,6	25,6	79,7	29,6	62,7	30,6	40,2	30,8	19,1	31,5	9,6	31,2
	Ст. откл.	2,3	35,7	3,4	13,3	5,1	12,7	6,0	12,9	5,1	4,8	6,1	2,5	4,8
	Вариация	0,1	0,3	0,1	0,2	0,2	0,2	0,2	0,3	0,2	0,3	0,2	0,3	0,2

Примечание. А – доля в доходах; Б – вмененный ВВП на душу населения.

Источники: Всемирный банк; расчеты авторов.

Распределение стран по кластерам,
ВВП на душу населения по ППС (тыс. долл./человека), 2016 г.

Страна	А		Б		Страна	А		Б		Страна	А		Б											
	А	Б	А	Б		А	Б	А	Б		А	Б	А	Б										
1 кластер																								
Люксембург	94,1	24,3	Кипр	30,5	28,8	Болгария	17,0	28,8	Парaguay	8,6	36,8	Замбия	3,6	44,4										
Норвегия	64,0	21,6			21,1										21,6	16,7	39,7	8,5	29,4	Кот-д'Ивуар	8,5	27,5	3,2	32,1
Ирландия	61,5	24,9			28,3										20,3	17,2	22,2	8,5	27,5	Иордания	8,5	26,7	3,1	26,9
Швейцария	57,3	25,5			27,0										28,9	15,3	25,7	8,2	26,7	Армения	8,2	26,7	9,1	22,0
США	53,0	30,2			27,0										28,9	16,6	31,8	7,8	32,0	Сальвадор	7,8	32,0	6 кластер	
Нидерланды	46,5	23,3	26,6	27,4	13,4	34,6	7,5	21,6	Украина	7,5	21,6	2,6	26,4											
Швеция	45,7	21,5	25,3	25,2	Респ.	14,7	40,5	7,3	38,4	Гвatemala	7,3	38,4	2,7	40,9										
Дания	45,5	23,7	25,0	34,6	Бразилия	14,7	40,5	6,9	31,3	Филиппины	6,9	31,3	2,5	31,0										
Исландия	42,7	21,3	25,0	24,0	Тайланд	15,2	29,2	5 кластер		Senegal	2,3	31,0												
Австрия	44,3	24,1	24,5	29,7	Коста-Рика	14,9	36,7	6,5	33,4	Болivia	2,1	29,3												
Германия	43,9	24,9	24,2	26,1	4 кластер		Лаосская НДР		5,8	29,8	Мали	1,9	25,7											
Австралия	43,7	26,5	24,2	26,1	Сербия	13,3	22,9	5,6	26,8	Вьетнам	1,8	26,4												
Канада	43,0	25,3	24,2	38,4	Македония, БЮР		12,8	25,0	5,7	32,7	7 кластер													
Бельгия	38,8	26,2	23,4	31,6	Перу	11,8	33,4	5,5	37,9	Нигерия	1,7	43,2												
Финляндия	38,9	22,0	23,0	26,6	Шри-Ланка	11,2	32,2	5,0	37,5	Никарагуа	1,6	29,6												
Великобритания	38,8	26,2	23,5	22,3	Монголия	11,4	25,5	4,7	22,5	Молдова	1,4	33,4												
Франция	37,8	26,0	22,5	38,0	Албания	11,0	22,9	4,3	26,0	Пакистан	1,4	33,5												
2 кластер																								
Ю. Корея	34,2	23,8	20,5	21,6	Босния и Герцеговина	10,9	25,8	3,9	31,6	Гондурас	1,3	31,6												
Италия	34,3	25,5	20,7	39,3	Тунис	10,7	27,0	3,6	24,8	Гана	1,1	37,5												
Испания	32,3	26,0	3 кластер		Эквадор	10,7	35,8	3,3	35,0	Мавритания	0,9	26,8												
Израиль	32,0	29,6	19,8	30,8	Египет	10,1	27,8	3,2	24,8	Камерун	0,8	26,0												
Чехия	30,6	22,1	16,5	29,8	Грузия	9,0	28,9	3,3	29,7	Киригская Республика	0,8	32,0												
			19,1	30,8						Микронезия	0,7	31,3												

Примечание. А – ВВП на душу населения по ППС; Б – доля 10-го дециля. Полукирным шрифтом выделены страны, которые не вошли в группу в 2000–2016 гг.

Источники: Всемирный банк; расчеты авторов.